

С сегодняшнего дня тебе придётся учиться жить по обычаям духов. Еда и сон — отдельно, перед тем как забраться в гнездо, обязательно чисти лапы и шерсть. Будешь содержать себя в чистоте — и самому станет приятно.

Он помолчал и добавил:

— Надо же тебя как-то называть. Моя фамилия Цзи, имя Чаоань — взято из пожелания кланяться небожителям и обрести покой. А ты... — Он задумался. — Раз живёшь в Переулке Хуайшу, отныне будешь зваться Маленькое Деревце Хуай.

Уши Серого кролика дрогнули, глаза округлились.

Во-первых, он поразился совпадению имён, а во-вторых — был потрясён тем, сколь небрежно Цзи Чаоань дал ему имя.

Маленькое Деревце Хуай?

Он, грозный древний свирепый зверь, носил имя, несущее в себе зловещую силу. Когда-то Господин Чигу назвал своего младшего брата Яо, а ему дал имя Хуай — самое зловещее из всех деревьев, относящихся к инь. Не иначе как с проклятием.

Хотя имя было зловещим, оно оставалось единственной нитью, связывавшей Серого кролика с миром людей.

И хотя он день за днём ненавидел имя Гао Хуай, ему приходилось цепляться за это истинное имя, чтобы не потерять рассудок. Иначе за долгие годы, когда никто о нём не вспоминал, он давно бы деградировал до уровня хаотичного, дикого зверя.

И вот теперь — Маленькое Деревце Хуай?

Серый кролик на мгновение даже растерялся, не в силах понять, какое имя вызывает в нём больше отвращения.

Когда он опомнился и собрался возразить, Цзи Чаоань уже вышел за дверь западного флигеля и громко сказал:

— Маленькое Деревце Хуай, отдохни пока, у меня есть дела, я отлучусь.

Одежда Цзи Чаоаня была перепачкана в грязи и кроличьей шерсти — всё из-за этого зайца. Он вернулся в восточный флигель, переоделся, нашёл на кухне сушёные листья лотоса и верёвку, завернул в них четыре рыбины и перевязал.

Затем он сосредоточился, вспоминая, какое лицо делал в прошлый раз, когда разговаривал с

семьёй Ма Лаоэра.

Потом он помял лицо, придав ему беззаботное выражение обычного десятилетнего мальчика, и пошёл стучаться к соседям.

Дверь открылась быстрее, чем он ожидал — будто за ней уже кто-то ждал.

Открыл Ма Лаоэр. Он смотрел на Цзи Чаоаня мрачным и похотливым взглядом, ухмыльнулся и сказал:

— А, это Чаоань. Сколько дней тебя не было видно, куда же ты пропадал?

Цзи Чаоань смущённо протянул в руках свёрток из сухих листьев лотоса:

— Дядюшка Ма, в тот день А Шо у меня дома упал, ему уже лучше? Я... у меня дома ничего нет, я подумал-подумал и пошёл за город ловить рыбу, чтобы А Шо подкрепился.

Ма Лаоэр с отвращением оглядел свёрток, но всё же взял его и, как ему казалось, ласково улыбнулся:

— Вы, дети, играете, не зная меры, дядюшка на тебя не в обиде. А Шо у себя в комнате, не стесняйся, заходи скорее.

Ма Лаоэр протянул руку, чтобы схватить его, но Цзи Чаоань, напротив, отступил на шаг и улыбнулся:

— Меня только что капитан Чжан вызывал, так что не буду мешать А Шо отдыхать, я завтра ещё зайду проведать его... — Он помолчал и добавил с тревогой: — Хотя это и чистая случайность, боюсь, А Шо теперь больше не захочет приходить ко мне в гости.

Глаза Ма Лаоэра загорелись, и он поспешно сказал:

— Не переживай, не переживай! Мой сорванец всё время вспоминает старшего брата Чаоаня, он к тебе ближе, чем к родному отцу. Завтра же я скажу ему, чтобы он пошёл к тебе.

Цзи Чаоань сразу же успокоился, расплылся в улыбке и сказал:

— Дядюшка Ма, вы так великодушны, это я зря волновался.

С этими словами он сложил руки в поклоне:

— А завтра, если он не захочет идти, я сам зайду к нему.

Попрощавшись, он направился в сторону участка.

Едва Цзи Чаоань повернулся, улыбка Ма Лаоэра вмиг исчезла. Его маленькие, как горошины, глаза, полные яда, впились в спину удаляющегося мальчика.

Подошла госпожа Ма, выхватила у него из рук свёрток с листьями лотоса, швырнула рыбу на пол и плюнула:

— Тьфу! Нищий голодранец, ни отца, ни матери! Бессовестный пёс! Я бы с него живьём перья выщипала и шкуру спустила!

Ма Лаоэр отвесил ей такую оплеуху, что женщина едва не упала, потеряв равновесие, и заорал:

— Дура! Сунешься куда не надо и испортишь дело господина — я тебя выгоню!

Женщина была одета в синее старое платье, которое делало её кожу тусклой и жёлтой, а фигуру — одутловатой. Она зажала ладонью щеку и заголосила:

— Ах ты, убивец! Только о деньгах и думаешь! Сына чуть на тот свет не отправили, а враг прямо перед глазами, и тебе всё равно! Совести у тебя нет! Ой, горемычный ты мой А Шо!

Ма Лаоэр в ярости зажал ей рот рукой и рывкнул:

— Заткнись! Только всё портишь! Потерпи несколько дней, сначала сделаем дело для господина, а потом и с этим выродком рассчитаемся, недолго осталось.

Госпожа Ма, всхлипывая, вырывалась и со всей силы укусила мужа за руку. Ма Лаоэр взвыл от боли, перехватил руку и начал с остервенением лупить жену. Та тоже не осталась в долгу и принялась расцарапывать мужу лицо.

В доме поднялся такой содом: стол опрокинулся, стулья попадали, старшая дочь в страхе спряталась в своей комнате, боясь высунуться.

Только когда Ма Шо резко крикнул: «Хватит!» — супруги, тяжело дыша, остановились.

Ма Шо, хоть и был мал, в семье привык командовать. Сейчас лоб его был перевязан бинтами, лицо бледное, но голос оставался спокойным, как всегда:

— Матушка, послушай моего совета, потерпи несколько дней. Дело серьёзное, ни в коем случае не делай глупостей. Этот выродок всё равно попадёт ко мне в руки, тогда я с ним что хочешь сделаю: хочешь — продам, хочешь — убью, всё в твоей воле.

Услышав это, Ма Лаоэр потёр руки, глаза его забегали:

— А может... лучше оставить...

Ма Шо прочитал в отцовском взгляде похоть, которую тот не решился высказать. В его глазах мелькнуло отвращение, но он улыбнулся:

— Всё в твоей воле, отец. Он посмел меня ранить — я сделаю так, чтобы он молил о смерти, но не мог умереть. А когда наиграемся, продадим его в бордель... Кровь у этого выродка дрянная, а вот мордашка ещё сойдёт.

Ма Лаоэр расхохотался:

— Хорошо сказано! Не зря ты мой сын!

Госпожа Ма всё ещё глядела с недоумением:

— Что за дело? Что за господин? Я ничего не понимаю. Сынок, вы с отцом всё говорите про какое-то дело. Что вы задумали?

Ма Шо ответил:

— Матушка, чем меньше людей знают, тем безопаснее. Не расспрашивай, просто поверь мне.

Госпожа Ма всё ещё сомневалась, но Ма Шо схватился за голову — рана снова начала ныть. Взгляд его стал ещё более злобным, он до крови закусил губу и, сославшись на дела, ушёл в свою комнату.

Ма Лаоэр последовал за сыном и, войдя в комнату, тихо засмеялся:

— Эта дура! А мы как раз искали случай, а он сам напросился в гости.

Ма Шо сел на кровать и с ненавистью процедил:

— Это небеса нам помогают! Поделом ему — родители сгинули, и сам он скоро сгинет!

Ма Лаоэр прошёлся по комнате и тихо сказал:

— Чжу... кхм, тот господин — рука у него широкая. За то, чтобы просто стащить договор аренды, он даёт двойную цену. Лавка-то, видно, дорогая. А может, и лавку ему продать? За двойную цену, а потом купить другую — вот мы и получим одну лавку даром!

Ма Шо чуть нахмурился, посмотрел на отца, как на бродячую собаку, но быстро отвёл взгляд и сказал:

— Тому господину нужна Книжная лавка Юнчэн. Нашу лавку он и даром не возьмёт. Отец, не будь жадным, не променяй большое на малое.

Тон, которым он разговаривал с Ма Лаоэром, больше походил на то, что он сам — отец. Но Ма Лаоэр уже привык к ранней зрелости сына и только согласно кивал, но в конце концов не

удержался и спросил:

— Что же такого в этой лавке? Что за неё так хватаются, не гнушаясь никакими средствами?

Ма Шо зевнул, откинулся на кровать и скучающим тоном ответил:

— Отец, какое нам дело до забот важных господ? Чем меньше знаешь, тем дольше живёшь.

Пока в доме Ма Лаоэра царил хаос, Цзи Чаоань уже успел сходить в участок, доложить о себе, вернуться домой и вместе с Маленьким Деревцем Хуай поужинать жареной рыбой, чтобы утолить голод.

На следующий день Цзи Чаоань отказался от утреннего рынка на Рынке Цзычжу и специально остался дома ждать в гости Ма Шо.

Ма Шо оказался понятливым: принёс несколько коробок с едой, и они вместе читали до полудня, заодно и пообедали — полностью постным обедом.

После этого Цзи Чаоань так устал, что не мог больше держаться, и пошёл вздремнуть в комнату. Когда он проснулся, Ма Шо уже убрал коробки и ушёл.

А Цзи Чаоань с опозданием притащился на Рынок Цзычжу с полной корзиной вяленой рыбы, к концу торговли продал несколько штук, выручил несколько десятков медяков и купил на них рис, муку и овощи.

В последующие несколько дней всё было тихо. Цзи Чаоань сделал из ветки акации деревянный меч, по утрам упражнялся в фехтовании и Культивации Ци, попутно объясняя ключевые моменты Маленькому Деревцу Хуай, и заставлял Серого кролика вместе с ним медитировать и заниматься дыхательными практиками. Хотя в форме кролика все эти методы культивации были бесполезны, пусть сначала запомнит. Ещё он купил бумагу, тушь, кисти и тушечницу, и после занятий культивации учил Серого кролика грамоте.

В прошлой жизни Гао Хуай читал очень мало. Если доклады сановников были написаны заумно и туманно, он их не понимал. Но он был умён и всё сваливал на Цзи Чаоаня, чтобы тот читал за него.

Если дело было важным, он выносил его на обсуждение и решал, заодно приказывая высечь сановника, написавшего доклад.

Если дело было пустяковым, оно не только не решалось, но и сановник, написавший доклад, нёс наказание: легкое — понижение в должности или увольнение, тяжёлое — казнь.

Из-за этого все чиновники при дворе трепетали, каждый раз, идя на приём, чувствовали себя как по тонкому льду. А втайне они всё сильнее ненавидели императора Кайюаня и «демона-

наложницу» Цзи Чаоаня, помогавшую ему творить беззакония и потворствовавшую злу.

Сановники из знатных книжных семей и аристократы в глубине души презирали Гао Хуая. В народе тайком ходили песенки и пьесы, высмеивающие его звериное происхождение, невежество, дикость и грубость.

И немудрено, что такой невежественный человек, как Гао Хуай, мог заинтересоваться только такой, как Цзи Чаоань — низкородным, никчёмным серым фазаном, у которого кроме красивой внешности ничего за душой не было.

Гао Хуай был невежествен — и Цзи Чаоань тоже пострадал из-за него.

В прошлой жизни ничего нельзя было поделаться, но в этой Цзи Чаоань не хотел снова видеть, как Гао Хуая попрекают этими изъянами — звериное происхождение и необразованность были не его виной.

В форме кролика его никто не учил, а когда он вырвался из печати, его душа была тяжело ранена. Нужно было и лечиться, и сражаться с врагами со всех сторон — откуда же ему было взять время на чтение и каллиграфию?

Однако Серый кролик этого не понимал. Ему казалось, что кроличья жизнь становится всё тяжелее: три раза в день кормили досыта, но Цзи Чаоань готовил ему еду по принципу «мясо плюс овощи». Мясо нужно было съедать обязательно, и морковку с капустой — тоже. Он всегда сидел рядом и добивался своего то уговорами, то угрозами. Если не съест всё, на следующую трапезу мяса не будет.

Но это ещё не всё! Его ещё и заставляли читать и писать, а сам он был ростом меньше кисточки!

Цзи Чаоань, хоть и говорил, что всё это для его же блага, на самом деле мучил кролика самым чудовищным образом.

Ма Шо внезапно переменялся и перестал приходить к Цзи Чану.

Тот был только рад: они с кроликом несколько дней дурачились и ссорились, а потом, после Праздника Фонарей, восемнадцатого числа первого месяца семнадцатого года правления Юнчжэна, наконец-то кто-то постучал в дверь Книжной лавки Юнчэн.

Послышался голос молодого мужчины:

— Прошу прощения, есть кто дома?

Цзи Чаоань в это время рисовал портрет кролика. Услышав голос, он с облегчением выдохнул и

радостно сказал:

— Наконец-то! А то я тут уже скоро с ума сойду!

Он отложил кисть и направился к двери.

Шёл он вприпрыжку, ещё чуть-чуть — и запрыгал бы.

Серый кролик спрыгнул со стола и с любопытством последовал за ним, желая посмотреть, что за радостное событие пришло.

Тот, кто постучал, оказался молодым человеком в одежде слуги. Увидев открывшего дверь Цзи Чаоаня, он окинул его взглядом сверху вниз, затем поднял голову и надменно сказал:

— Позови старшего в доме выйти поговорить.

Лицо Цзи Чаоаня слегка потемнело, он холодно ответил:

— Откуда здесь взялась брехливая собака? Мешаешь людям отдыхать, убирайся-ка подобру-поздорову.

Слуга пришёл в ярость, занёс руку, чтобы ударить Цзи Чаоаня по лицу, и выругался:

— Ах ты...

Он успел выкрикнуть только одно слово, как откуда-то прилетела половинка сломанной ножки от скамьи и с силой врезалась ему прямо в лицо. Слуга рухнул навзничь, половина лица была залита кровью, зубы, казалось, тоже расшатались.

Цзи Чаоань стоял на пороге, слегка постукивая ногой по второй половинке ножки. Выражение его лица было по-прежнему невинным и бесхитростным, как у обычного десятилетнего мальчика. Он повернул голову и посмотрел на стоящую перед книжной лавкой повозку, крытую синей клеёнкой:

— Чей это злобный слуга? Заберите его скорее, пока не поздно.

Тот, кто был в повозке, ещё не успел среагировать, как из соседней мануфактурной лавки выскочила женщина и, указывая на Цзи Чаоаня, закричала:

— Неотёсанный дикий выродок, посмел прилюдно напасть на человека! Чёрное сердце, гнилая печёнка, скотина!

Цзи Чаоань поковырял в ухе и, с трудом сдерживаясь, подождал, пока не подбегут двое патрульных. Тогда он, сделав испуганное лицо, залепетал:

— Господа патрульные, спасите! Этот человек неизвестно откуда взялся, хотел ворваться ко мне в дом, я с перепугу схватил что под руку попало и ударил его, а он... а он...

Высокий патрульный спросил у слуги:

— Ты кто такой? Из-за чего возник конфликт?

Слуга сел, лицо у него было ошарашенное, из носа текло, он задышался от запаха крови. Ему было велено просто припугнуть мальчишку, чтобы потом господину было легче действовать. Но кто же знал, что с самого начала всё пойдёт наперекосяк и его с первого же раза собьют с ног? Теперь он и сам не знал, что делать, и под пристальным взглядом патрульных прикусил язык, не проронив ни слова, только с мольбой посмотрел на повозку.

Хозяин повозки, разумеется, не мог больше сидеть сложа руки. Он откинул занавеску и поспешно вышел. Это был упитанный, с круглым лицом торговец средних лет, одетый в халат из шёлковой ткани сяньюньша. Ткань была довольно новой, видимо, сшитой недавно. С тех пор как Юйминь и Люди рассорились, поставки сяньюньши прекратились, и товар стал дефицитным, дорожая с каждым годом. Этот торговец не побоялся надеть её на себя — можно было смело сказать, что он богат, как Крез.

Торговец улыбнулся:

— Господа патрульные, это мой дурак-слуга, язык у него без костей, вот и вышло недоразумение.

Он подмигнул сопровождающему его управляющему, и тот, подойдя, сунул патрульным в руки серебро.

Цзи Чаоань же робко сказал:

— Я тебя не знаю. Зачем ты послал слугу силой ломиться ко мне в дом? Срежь бела дня, под самым носом у императора, творить беззакония! Согласно шестьсот семьдесят первой статье Золотого уложения Юй, за это полагается казнь через рассечение поясницы.

Раз Цзи Чаоань назвал номер статьи, он явно не мог просто болтать языком. Он просто вырвал из контекста самое страшное.

Он был уверен, что патрульные и торговец не знакомы с уложением, и, как и ожидалось, все переменились в лице. Патрульные уже положили руки на перистые мечи у пояса и сурово сказали:

— Раз пролилась кровь, дело миром не уладить. Пойдёте с нами к начальству.

Женщина из мануфактурной лавки, а это была жена Ма Лаоэра, госпожа Юй, увидев это, поспешно подскочила и затараторила:

— Я видела, как этот мальчишка напал! Я готова выступить свидетелем!

Цзи Чаоань в изумлении уставился на неё. Он видел множество людей, которые бросались за славой или деньгами, но чтобы кто-то сам лез на верную смерть — такое впервые.

А госпожа Юй решила, что мальчишка испугался, и на душе у неё стало легко. Её лицо исказилось в ещё более злобной гримасе, но, повернувшись к патрульным, она тут же расплылась в улыбке и принялась кланяться.

Патрульные переглянулись, и низкорослый кивнул:

— Тогда и ты пойдёшь с нами.

Пухлолицый торговец забеспокоился и поспешно сказал:

— Господа патрульные, обождите минуточку. Я сначала с маленьким господином из семьи Цзи долги улажу.

Он представился как Чжу, торговец шёлком из Северного города, и рассказал, как Цзи Лю взял у него в долг деньги и заложил Книжную лавку Юнчэн.

Цзи Чаоань, разумеется, подыграл: изобразил потрясение на лице и категорически отказался признавать долг.

Тогда Чжу Хэн вынул из-за пазухи долговую расписку и договор аренды.

Лицо Цзи Чаоаня покраснело, он изо всех сил старался не расплакаться, голос его дрожал:

— Я... я не верю! Я хочу увидеть господина Куна! Господин Кун обязательно восстановит справедливость!

Чжу Хэн нахмурился, и в его голосе появились угрожающие нотки:

— Чёрным по белому написано, доказательства неопровержимы. Долги отца платит сын — это закон. Советую маленькому господину не создавать другим лишних хлопот.

Цзи Чаоань поднял голову и, не отводя взгляда, посмотрел прямо в глаза Чжу Хэну, произнося каждое слово:

— Господин Кун... обязательно восстановит справедливость!

Высокий патрульный лениво сказал:

— Раз так, пойдём к начальству, разберёмся с обоими делами сразу.

Цзи Чаоань попросил прощения, вернулся в восточный флигель, взял кошелёк, а когда закрывал ворота, заметил, что Серый кролик, неизвестно когда успевший забежать в лавку, сидит на пустом стеллаже и сверху вниз наблюдает за спором на улице.

Цзи Чаоань тихо сказал:

— Хорошенько тренируйся. Я скоро вернусь.

Он запер дверь и вместе с патрульными, Чжу Хэном и остальными отправился к старосте Переулка Хуайшу.

Кун Суй как раз писал доклад в кабинете, когда ему доложили, что в суд поступило дело о долговом споре.

Он вышел, вошёл в зал суда и увидел, что с одной стороны стоит богатый торговец, а с другой — десятилетний мальчик.

Он невозмутимо сел на главное место, пригласил обе стороны тоже сесть и мягко начал расспрашивать о деле.

Чжу Хэн подал долговую расписку и договор аренды, вздохнул и сказал:

— Я не из тех, кто рад добить сироту, но у меня самого сейчас туго с деньгами, приходится собирать долги. Если долг будет погашен, я готов дать маленькому господину из семьи Цзи ещё пятьдесят лян серебра в качестве помощи.

Цзи Чаоань молчал, и Кун Суй тоже не открывал рта, чем привёл Чжу Хэна в замешательство. Тот всё больше злился на мальчишку, который создавал лишние проблемы, вместо того чтобы решить простое дело.

Кун Суй просмотрел бумаги, повернулся и мягко спросил:

— Цзи Чаоань, что ты хочешь сказать?

Цзи Чаоань встал, поклонился и сказал:

— Господин Кун, я... я, простой человек, боюсь, но договор аренды находится у меня.

Чжу Хэн усмехнулся:

— Твой отец собственноручно передал мне договор. А ты сейчас голословно пытаешься отпереться...

Не успел он договорить, как мальчик достал старый кошелёк и осторожно вынул оттуда листок

коричневой крафтовой бумаги.

Чжу Хэн резко вскочил, в изумлении уставившись на этот экземпляр договора. Его лицо побледнело, потом побагровело, и он понял, что попал в беду.

Цзи Чаоань уже подал договор, его принял слуга Кун Суя и положил рядом на стол.

Оба договора были абсолютно одинаковы, отличить подделку было невозможно.

Кун Суй задумчиво посмотрел на них, помолчал, а затем приказал:

— Позовите господина Гуна.

Кто-то отправился выполнять приказ и вскоре привёл, шаркая ногами, старика.

Старик был сед как лунь, но бодр. Одет он был в тёмно-синий халат учёного. Подойдя, он поклонился Кун Сую.

Кун Суй поспешно встал и почтительно ответил на поклон, после чего сказал:

— Прошу вас, господин Гун, взгляните на эти два договора.

Господин Гун сложил руки в приветствии, затем взял оба договора, прищурился и принялся тщательно их изучать.

Кун Суй же сказал Цзи Чаоаню и Чжу Хэну:

— Господин Гун — учёный муж, которого я пригласил. В молодости он странствовал по Семи Путям Мерети и четырём государствам Духов. По широте кругозора я подобных ему не встречал.

Господин Гун усмехнулся:

— Господин Кун слишком добр. Я всего лишь обычный человек, который мыкался по свету. По милости господина я имею кусок хлеба.

Он сначала отложил договор, поданный Цзи Чаоанем, и сказал:

— Этот — настоящий.

Затем он отложил договор, принесённый Чжу Хэном, и сказал:

— А этот — поддельный.

Лицо Чжу Хэна резко изменилось. Взгляд его заметался, он уставился на Цзи Чаоаня и прошипел сквозь зубы:

— Это ты... ты что...?

Цзи Чаоань по-прежнему сохранял невинное выражение лица десятилетнего мальчика. Услышав эти слова, он с облегчением выдохнул и расплылся в сияющей улыбке.

В зале словно повеяло весной. Писцы и слуги, стоявшие на страже, сами того не замечая, тоже приободрились и прониклись к мальчику симпатией.

Кун Суй, услышав это, посмотрел на Чжу Хэна холодным взглядом:

— Чжу Хэн, подделка официальных документов — какое наказание ты понесёшь за это?

Чжу Хэн в испуге рухнул на колени и поспешно начал оправдываться:

— Господин, помилуйте! Я ничего не знал... Это... это Цзи Лю обманул меня, подсунув поддельный договор! Прошу господина восстановить справедливость!

На лице его были страх и унижение, но в душе уже кипела ярость, готовая прорвать череп. Он думал, что это будет простое дело, и никак не ожидал, что так опростоволосится.

Как только он выберется отсюда, он обязательно найдёт этого мальчишку и того, кто стоит за ним! Он заставит их молить о смерти, но не даст умереть!

<http://bllate.org/book/21199/2145910>